

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)62-8
С30

Семанов, Сергей Николаевич.

С30 И. В. Сталин. Полная биография / Сергей Семанов. — Москва : Родина, 2022. — 432 с.

ISBN 978-5-00180-457-4

Сергей Николаевич Семанов (1934 —2011) — видный советский и российский историк. Он автор более двух десятков книг, в том числе биографий Сталина, Брежнева и Андропова.

Подробное описание жизни и деятельности И.В. Сталина сопровождается анализом сталинской политики, для чего приводится большой массив документальных материалов. Несмотря на определенные симпатии автора к Сталину, это исследование не является апологией советского вождя, — Сергей Семанов создает объективную картину сталинского правления на фоне сложных событий российской истории первой половины XX века.

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)62-8

ISBN 978-5-00180-457-4

© Семанов С.Н., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Первые годы	6
По тюрьмам и ссылкам	19
В тени Ленина	63
Вкус власти	150
Долгое движение к власти	194
«Великая чистка»	236
Перед грозой	245
Время испытаний	272
Победа	355
На исходе сил	381
Закат	408

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Уездный городок Гори в семидесятых годах XIX столетия жил мирно и тихо. Он невелик: по переписи 1873 года насчитывалось в Гори около 6000 жителей. Национальный состав горожан смешанный — 3495 армян, 2250 грузин и 254 русских. Преобладание армян не было чем-то особенным, так как в ту пору во многих городах Грузии они составляли весьма существенную долю населения.

Все лучшие дома находились на главных улицах — Царской и Тифлисской. Остальные — кривые переулки, разбросанные без всякого плана и порядка. На одной из таких улочек, избежавших по склону горы, пыльных в сухое время и грязных в дождливое, стоял домик на кирпичном фундаменте с деревянными стенами. Девятого декабря 1879 года в домике царило радостное оживление: родился мальчик.

Отец новорожденного, Виссарион Иванович Джугашвили, по профессии сапожник, был выходцем из крестьян села Дидилило Тифлисской губернии. В поисках заработка он переехал в Гори и здесь женился на дочери бывшего крепостного крестьянина из села Гамбареули Горийского уезда Екатерине Георгиевне Геладзе. Было ей тогда около пятнадцати лет. Когда появился на свет Сосо (так у грузин сокращают имя Иосиф), матери едва исполнилось двадцать. До этого в семье Джугашвили было уже трое детей, но они умерли вскоре после рождения. Естественно, что отец и мать не чаяли души в единственном сыночке.

Сосо оказался крепким мальчиком. В возрасте шести-семи лет он перенес оспу. О прививках в ту пору в Гори мало кто слышал, и на лице у Сосо на всю жизнь остались легкие отметины. Чуть позже он ушиб левую руку. От ушиба началось нагноение. Сосо был при смерти.

— Не знаю, — вспоминал он, — что мне тогда помогло, крепкий организм или мазь знахарки, но я поправился...

И все же левая рука мальчика с тех пор и на всю жизнь плохо сгибалась в локте.

Жить семье Джугашвили было нелегко. Виссарион Иванович трудился не покладая рук, но его сапожническое ремесло не приносило достатка. Зарплата не хватало, и спустя некоторое время после рождения сына Виссарион Иванович уехал в Тифлис. Там он поступил на работу к крупному обувному предпринимателю Адельханову в надежде поднакопить денег.

Говоря о Виссарионе Джугашвили, нельзя не упомянуть об одном печальном обстоятельстве: пристрастии его к спиртному. Не зря, видимо, у многих народов существуют присловия, подобные русскому, — «пьян, как сапожник». Сведения о том сохранились смутно, но так было. В 1890 году Джугашвили-отец скончался. Это произошло, когда сыну еще не исполнилось одиннадцати лет. К тому же последние годы отец жил отдельно от семьи, покинув Гори.

Екатерина Георгиевна, на которую пала основная тяжесть воспитания сына, работала поденщицей у более состоятельных горожан: без устали шила, стирала, пекла хлеб. Жили теперь Джугашвили в комнатенке площадью в взятку квадратных аршин, рядом с кухней. Вход — прямо со двора, без всякой ступеньки. Пол выложен кирпичом. Обстановка предельно скромная: маленький стол, табуретки, широкая тахта, покрытая соломенной циновкой — «чилони». Но за эту конуру надо было платить полтора рубля в месяц, и очень-очень непросто удавалось скопить даже такие деньги.

Несмотря на бедность, родители, в особенности мать, хотели, чтобы их единственный сыночек учился. Екатерина Георгиевна была неграмотной, не знала русского языка, но твердо решила дать образование сыну, тем более что восприимчивость и память его с малолетства бросались в глаза окружающим.

Екатерине Георгиевне очень хотелось, чтобы ее Сосело когда-нибудь стал православным священником — ведь это так почетно! Она добилась, чтобы в сентябре 1888 года, на девятом году жизни, Сосо поступил в подготовительный класс духовного училища. Достичь этого было куда как нелегко, ибо в училище определяли своих детей в первую очередь лица духовного звания. Решающую роль тут сыграли недюжинные способности

мальчика. И так, сын сапожника и поденной работницы стал на духовную стезю.

Воспоминания товарищей Сосо дают нам представление о том, каким он был в ту пору. Среднего роста, худощавый, крепкий мальчик имел веселый нрав. Взгляд — живой, но по временам очень пристальный. Движения быстрые, походка уверенная. Одет Сосо был бедно, но всегда опрятно. Зимой надевал синее пальто, сапоги, войлочную шляпу, широкий красный шарф и серые вязаные рукавицы. Книги и тетради носил в красной ситцевой сумке, перекинутой через плечо.

Преподавание в училище велось на русском языке, лишь два раза в неделю были уроки грузинского языка. Это, естественно, создавало дополнительные трудности для некоторых мальчиков-грузин, но не для Сосо Джугашвили, который очень быстро и хорошо освоил русскую речь.

Мальчик, несомненно, был очень талантлив. В училище не преподавали тогда рисование, но товарищи Сосо помнят, как хорошо он рисовал. Будущих священнослужителей, конечно, учили пению. Сосо, обладая хорошим голосом и слухом, пел в училищном хоре. Голос его, обычно глуховатый, во время пения становился красивым и звучным. На всю жизнь сохранил он любовь к песням. Поначалу то были многоголосые грузинские песни. Придет время, и не менее полюбит Иосиф Джугашвили русские народные...

Успехи Сосо были так велики, что училищное начальство, зная трудное материальное положение семьи Джугашвили и не желая терять столь способного ученика, исхлопотало ему ежемесячное пособие. Это было редчайшим исключением.

Главным и основным его занятием в свободное от уроков время было чтение книг. В училище имелась неплохая библиотека, но подбор книг вскоре перестал удовлетворять Сосо. Он жаловался товарищам, что не может найти хороших, интересных книг. Ученик старшего класса Ладо (Владимир) Кацховели рассказал ему о частной библиотеке Арсена Каландадзе.

Каландадзе имел в Гори типографию, книжный магазин и библиотеку, в доме у него собиралась местная интеллигенция. Пристрастившийся к чтению Сосо Джугашвили к концу своего пребывания в училище перечитал почти все книги, имевшиеся у Каландадзе. В первую очередь это были сочинения грузинских

писателей — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Игнатия Ниношвили и других. С товарищами он часто обсуждал наиболее понравившиеся ему, взволновавшие его книги.

Знание родной литературы, любовь к ней, несомненно, сказались на формировании характера Сосо. В это же время он стал читать произведения гигантов русской литературы — Пушкина, Гоголя, Толстого, — и столь же несомненно, что достаточно раннее знакомство с русской культурой — прежде всего с литературой и историей — имело решающее значение для формирования взглядов и настроений грузинского мальчика.

По мере того как ребенок превращался в юношу, росли его симпатии к угнетенным и сочувствие к тем, кто так или иначе проявлял свой протест против гнета. В Грузии, как и вообще в Закавказье, простой народ склонен был с симпатией относиться к тем, кто по каким-либо причинам вступал в конфликт с властью, даже если этот конфликт перерастал в обыкновенный разбой.

В 1892 году Сосо был свидетелем казни двух таких романтических разбойников. Преподаватели училища считали, что зрелище казни на площади в Гори поможет внушить молодежи чувство страха перед существующим порядком. Может быть, это и произошло с другими учениками, но Сосо был подавлен зрелищем публичной казни двух крестьян.

По окончании на «отлично» полного курса учения в духовном училище в июне 1894 года он причислен училищным управлением к первому разряду училищных воспитанников с преимуществами, присвоенными окончившим полный курс учения в духовном училище.

«Преимущества», полученные Иосифом, состояли в том, что он мог продолжать обучение в духовной семинарии. Поскольку у матери не было средств содержать сына, его обещали взять на казенный счет. И вот в августе 1894 года вместе с несколькими товарищами он приезжает в Тифлис и успешно сдает вступительные экзамены. Теперь он — семинарист.

Главной улицей Тифлиса справедливо считался Головинский проспект, проложенный параллельно реке Куре, одной из красивейших была Пушкинская улица. Ее украшал бюст А. С. Пушкина и мемориальная доска, напоминавшая о том, что в 1829 году поэт побывал здесь. На Пушкинской же улице, в четырехэтажном

доме № 4, помещалась Тифлисская духовная семинария. В первом этаже размещались столовая и гардеробная; второй и третий были отведены под классы, а в верхнем — спальня комнаты, по 20 — 30 человек в каждой. В здании находилась небольшая церковь.

Четырнадцатого июня 1895 года на первой странице газеты «Иверия», редактировал которую известный грузинский писатель князь И. Чавчавадзе, было напечатано стихотворение, начинавшееся словами «Распустился бутон роз», за подписью И. Джугашвили.

Видимо, стихотворения молодого семинариста вполне удовлетворяли редактора «Иверии», так как они стали одно за другим появляться в газете: 22 сентября 1895 года было опубликовано «Когда на небе ясная луна», 11 октября — «Месяцу», 29 октября — «Рафаэлу Эристави», 25 декабря — «Бродил по миру словно призрак...». Все они были подписаны «Сосело». В июле 1896 года опубликовал стихотворение того же автора «Старик Ниника» журнал «Квали» («Борозда»).

Успех шестнадцатилетнего стихотворца несомненен. Стихи Сосо Джугашвили были написаны с большим литературным вкусом, образным народным языком.

Примечательна судьба стихотворений Сосело. Первое из них (июнь 1895 года) под названием «Утро», что вполне соответствует его содержанию, выдающийся грузинский педагог Я. Гогешвили поместил в свой учебник для начальных школ «Деда Эна» («Родное слово»). С этой книги начинало свое воспитание каждое новое поколение дореволюционной Грузии.

Стихотворение «Р. Эристави» в 1899 году было включено в юбилейный сборник Р. Эристави наряду с речами, поздравлениями, стихотворениями и посвящениями таких грузинских общественных деятелей, как И. Чавчавадзе, А. Церетели и др. В 1907 году М. Келенджеридзе, не зная автора, поместил это стихотворение в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности».

Тот же М. Келенджеридзе еще в 1899 году издал книгу «Теория словесности с разбором примерных литературных образцов». Здесь были приведены и разобраны лучшие образцы из произведений классиков грузинской поэзии: Ш. Руставели, И.

Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, А. Казбеги. Здесь же, на страницах 93 — 94, были помещены два стихотворения Сосело.

Всю свою энергию Сосо обращает на «светскую» литературу. Книги трудно достать, и его снабжают ими ученики старших классов. Поначалу это вполне благопристойная, подцензурная литература, затем в руки Сосо попадают книги, которые запрещены к чтению не только в стенах семинарии, но и вообще в пределах Российской империи.

Сохранился Кондуитный журнал духовной семинарии, и он буквально пестрит замечаниями и донесениями о поведении семинариста Джугашвили, на него градом сыплются предупреждения, выговоры, наказания. Поначалу это назойливые, раздражающие придирки по пустячным поводам: «Давидов и Джугашвили... продолжали разговаривать, несмотря на неоднократные мои замечания не разговаривать...»; «Джугашвили, придя в столовую к утреннему чаю, снял фуражку в самой уже столовой...»; «На утреннюю молитву явился с опозданием... Джугашвили»; «На вечернюю с акафистом опоздал Джугашвили...» и т. д. и т. п. Тут же следуют резолюции: «Обедать после других»; «Стоять в столовой».

Друзья, знавшие Сосо еще в Гори, отмечали, что в семинарии характер его заметно переменялся. Оставаясь по-прежнему хорошим товарищем, он стал теперь гораздо сдержаннее в выражениях чувств, даже несколько скрытен. И немудрено — ему было что и от кого скрывать.

Уже на первом году обучения в семинарии Сосо вступает в литературный кружок, разумеется, нелегальный, хотя и не политический, а чисто просветительский. Семинаристы читали и разбирали лучшие произведения мировой, русской и грузинской литературы. Следили и за сообщениями и дискуссиями на страницах «Квали». Страстно обсуждали они воззрения языковеда Н. Марра о несамостоятельном характере происхождения грузинского языка. Положения теории Марра глубоко западут в память Сосо Джугашвили, но лишь полвека спустя он недвусмысленно выскажет свое отношение к ним...

Здесь следует ответить на немаловажный вопрос: сохранил ли воспитанник православной семинарии Сосо православное

вероучение в душе своей до зрелых дней, став во главе великого Советского Союза?

Скажем сразу, что ни одного свидетельства на этот счет, исходившего от самого Сталина, нам найти не удалось. Нет и никаких достоверных свидетельств очевидцев. Все это так. Но можно бесспорно предположить, что оставался он в душе человеком православным. Доказательства?

Познакомился Сосо в семинарии, конечно, и с представителями марксистски настроенной интеллигенции Тифлиса. С начала 1893 года здесь существовала «Месаме даси» («Третья группа»), в которую входили М. Цхакая, Э. Ниношвили, Н. Жордания, С. Джибладзе, И. Рамишвили, Н. Чхеидзе и другие. Печатным органом «Месаме даси» стала с 1897 года газета «Квали» (ранее это был журнал).

С самого начала «Месаме даси» не была однородной: большинство ее участников, возглавляемое Ноем Жордания, выступало против марксистского понимания классовой борьбы, проповедовало буржуазный национализм. Эти люди впоследствии составили ядро, основу грузинского меньшевизма. Почти все они были старше Сосо и умели хорошо излагать свои мысли, умели красиво и высокопарно говорить, прибегая к штампованным ораторским приемам, а паренек из Гори этого не умел да и не захотел обучаться ничему подобному. Посещая редакцию «Квали» (туда его привел Ладо Кецховели), Сосо внимательно слушал красноречивые излияния будущих меньшевиков, но что-то ему в этих речах не нравилось. Он стал задавать ехидные вопросы, возражать...

Познакомившись с подпольными марксистскими кружками, Сосо убедился в необходимости изменить характер занятий в кружке своих товарищей по семинарии, но сразу же натолкнулся на противодействие некоторых из них. Тогда на одном собрании он предложил дополнить программу занятий экономическими и социалистическими науками, изучать теорию социализма и историю рабочего движения. Большинство товарищей согласилось с ним, и к весне 1896 года в семинарии выделилась отдельная группа, руководимая Сосо. Была собрана нелегальная библиотека, стал выходить рукописный журнал на грузинском языке, где трактовались спорные вопросы, обсуждаемые на страницах

«Квали». Так как собираться в семинарии и хранить НИМ запрещенные книги из-за слежки начальства было невозможно, участники кружка за пять рублей в месяц сняли комнату, где и собирались один-два раза в неделю, в послеобеденные часы, до переключки. Сюда же была перенесена и библиотечка.

Сосо знакомится с «Коммунистическим манифестом» и другими доступными российскому читателю произведениями Маркса и Энгельса, читает Плеханова. Чуть позднее, в конце 90-х годов, к нему попадают работы Тулина (В. И. Ленина), направленные против народничества, «легального марксизма» и «экономизма». То, что он узнает из чтения этих книг, настолько соответствует его собственным мыслям, его личному опыту, что возникает страстное желание познакомиться с этим человеком, мыслящим столь логично и всеокушающе.

Читал Сосо и художественную литературу, брал ее в так называемой «дешевой» библиотеке, открывшейся в 1888 году в Тифлисе. Покупать книги он не мог — не было денег, а в дореволюционной России книги, особенно научные, стоили недешево. В букинистических же магазинах было так много интересного! Выручала память: часами простаивал семинарист в букинистических лавках, выхватывая интересующие его места, закрепляя их в памяти.

Семинарское начальство, конечно, не могло не заметить, что ученики что-то потаенно читают, оживленно спорят. В семинарии появились доносчики. Записи в Кондуитном журнале приобретают теперь иной характер.

Ноябрь 1896 года: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный листок из Дешевой библиотеки, книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный листок». На донесении пометка: «Наказать продолжительным карцером. Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «93-й год» В. Гюго».

Март 1897 года: «В 11 часов вечера мною отобрана у Джугашвили Иосифа... книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «дешевой библиотеки»; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «дешевой библиотеки» названный ученик замечается уже в 3-й раз. Книга представле-

на мною о. инспектору». Резолюция: «По распоряжению о. Ректора — продолжительный карцер и строгое предупреждение».

...В начале 1898 года молодой пропагандист Сосо Джугашвили пришел в кружок рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса. Вот что он говорил об этом впоследствии: «Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было 28 лет тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у товарища Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Чхеидзе, Михо Богоридзе, Ни-нуа и других передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлиские рабочие...»

Несмотря на неопытность молодого пропагандиста, первые же его выступления в кружках запомнились рабочим. Впрочем, совсем неопытным Сосо тогда считать было нельзя: в семинарском кружке он уже кое-чему научился. Воспоминания слушателей Сосо позволяют нам представить методы его работы в кружке. Более всего занятия походили на товарищескую беседу. К каждому выступлению пропагандист тщательно готовился: перед ним лежала записная книжка или листки мелко исписанной бумаги. Речь его была насыщена примерами. Задавая рабочим много вопросов, Сосо старался тщательно отвечать на все встречные вопросы и не переходил к новой теме, пока не убеждался, что его поняли. Отвечать не торопился, слова свои обдумывал. В конце занятий подводил итоги. (Уже виден будущий Сталин.)

Занятия Сосо вел в нескольких рабочих кружках. Всего в Тифлисе их тогда насчитывалось около двадцати; они были связаны между собой, имели общие планы занятий. В том же 1898 году Джугашвили, стремясь сделать свои собеседования понятными и интересными для рабочих, составляет Программу занятий в марксистских рабочих кружках. К сожалению, текст этой программы

не обнаружен до сих пор, и мы не можем судить о ней, но сам тот факт, что девятнадцатилетний семинарист берет на себя смелость составить программу для рабочих кружков и что программа эта не просто просветительно-образовательная, должен соответствующим образом характеризовать ее автора.

Активность Джугашвили и его товарищей — Л. Кецховели, А. Цулукадзе — была тем досаднее для оппортунистов из «Месаме даси», что эти молодые революционеры в своих пропагандистских, агитаторских, организационных устремлениях явно следовали примеру ленинского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Одной из таких демонстраций, показателем роста политической сознательности тифлисских рабочих, была первая нелегальная маевка 1899 года. Она состоялась 19 апреля за городом, в пустынной местности Грма-Геле. В подготовке ее участвовал Сосо Джугашвили.

Собрать удалось около семидесяти рабочих. Могло бы быть и больше, но маевка совпала с пасхальными праздниками, и многие рабочие уехали в родные деревни — к семьям. На холме водрузили красное знамя. Около него говорили о значении праздника 1 Мая, о роли пролетариата в революционной борьбе.

Тем временем семинарское начальство стало догадываться, что Джугашвили ведет какую-то весьма опасную работу. Записи в Кондуитном журнале начинают приобретать угрожающий характер:

28 сентября 1898 года: «В 9 часов вечера в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им... Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников...»

16 декабря 1898 года: «Джугашвили Иосиф во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учащихся V-го класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражал в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обы-

сков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтитель и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей...»

Помета из донесения: «Сделан был выговор. Посажён в карцер, по распоряжению о. инспектора, на 5 часов. Иеромонах Дмитрий».

Этот самый инспектор Дмитрий Абашидзе был главным врагом Сосо в семинарии. Он вел постоянную слежку за подозрительным семинаристом, он и настоял на том, чтобы Сосо вывели двойку по поведению. Хотя весной 1899 года Иосиф с легкостью сдал экзамены и перешел в следующий класс, Абашидзе вновь поднял вопрос о Джугашвили на заседании правления семинарии, подчеркивая его главенствующую роль в недопустимых диспутах. Настойчивость инспектора принесла наконец плоды: 29 мая 1899 года Иосиф Джугашвили из семинарии был исключен.

Прекратить революционную деятельность, хотя бы на время отстраниться от нее не приходило ему в голову. Надо было только решить: что делать, как жить? Некоторое время Иосиф перебивался уроками, не упуская и здесь случая преподнести своим ученикам кое-что «сверх программы».

В числе его учеников, к примеру, был Семен, также уроженец Гори. Он намеревался избрать военную карьеру, и репетитор должен был готовить его к экзамену по русскому языку: тут Семен был не слишком-то силен. Но знакомство с Сосо имело для него неожиданные результаты — вместо офицера он стал революционером. Так Сосо, можно сказать, оказался «крестным отцом» Семена Аршаковича Тер-Петросяна, известного в революционном движении под именем Камо. Кличку эту, только несколько позднее, придумал также Иосиф. Друзья постоянно поддразнивали Семена из-за его некоторых неправильностей русского языка. Однажды, собираясь исполнять какое-то поручение, Семен спросил:

— Камо отнести? (Вместо — кому).

— Эх ты, камо, камо, — рассмеялся Сосо.

Кличка прижилась...

В Тифлисской физической обсерватории с середины ноября 1899 года в должности наблюдателя работал товарищ Сосо

по Горийскому духовному училищу и семинарии Вано Кецховели — младший брат Ладос Кецховели. Ему дали при обсерватории хилую комнату. Безработный и бездомный Иосиф Джугашвили часто приходил ночевать к Ване, а затем и вовсе там поселился. В конце декабря в обсерватории освободилось место наблюдателя, и в «Отчете Николаевской главной физической обсерватории за 1899 год» значится: «С 28-го декабря поступил на службу по вольному найму обучавшийся в Тифлисской духовной семинарии И. В. Джугашвили».

За рабочим районом Надзаладеви (или Нахаловка), километрах в пяти, находилось тогда небольшое Солёное озеро. Невысокие зелёные холмы окружали котловину, на дне которой поблескивала вода. В пасхальное воскресенье, 23 апреля, по дороге, извивавшейся среди полей и лугов, шли группы рабочих. У многих — узелки с продуктами. В условленном месте их встречали пикеты и направляли к месту маевки, которое было известно только организаторам.

Сосо и Стура выбрали место для проведения маевки. На квартире Стура было заготовлено красное знамя. Художник-самоучка изобразил на нем портреты Маркса и Энгельса. Были написаны лозунги и, подчеркнем это особо, исполнены были эти лозунги на трех языках: грузинском, армянском и русском. Здесь, на многонациональной окраине Российской империи, социал-демократы непрестанно заботились о единстве своих рядов.

На маевку собралось 400 — 500 рабочих — сверх самых радужных ожиданий организаторов. На возвышении развернули красное знамя, и Чодришвили открыл митинг. Среди прочих выступал и Сосо. На его долгом пути политического деятеля то было первое появление перед большим собранием людей.

В качестве «предупредительной меры» в марте — апреле 1901 года полиция арестовала ряд социал-демократов. В ночь на 22 марта в отсутствие Сосо на его квартире был произведен обыск. Жандармский ротмистр Рунич доносил 23 марта: «...Принимая во внимание, что... служащий наблюдателем в физической обсерватории Иосиф Джугашвили ведет сношения с рабочими, принадлежит, весьма возможно, к социал-демократам... постановил привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым по производимому мною... исследованию степени по-

литической неблагонадежности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе».

Но «допросить обвиняемым» Иосифа Джугашвили не удалось: он бросил работу и перешел на нелегальное положение. Такс конца марта 1901 года, на долгие шестнадцать лет, вплоть до февральской революции, он сделался революционером-подпольщиком. Теперь у него не будет ни постоянной работы, ни собственного жилья, ни настоящих документов, ни подлинного имени. Его ждут слезки и обыски, аресты, тюрьмы, ссылки. Единственным содержанием жизни Сосо станет борьба за дело трудящихся, и ничто не сможет свернуть его с избранного пути.

По тюрьмам и ссылкам

В 1901 году в Баку создали прекрасную типографию, известную в конспиративной переписке под названием «Нина», и в первых числах сентября 1901 года начали печатание нелегальной газеты «Брдзола» («Борьба»). Передовая первого номера нелегальной газеты, озаглавленная «От редакции», принадлежала двадцатидвухлетнему Сосо.

Это первое известное нам политическое произведение И.В. Джугашвили-Сталина.

Обращает на себя внимание обнаруженное автором понимание единства интересов грузинских социал-демократов и социал-демократов России, понимание, свойственное в ту пору, да и позднее, отнюдь не всем: «Грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идет рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской социал-демократической партии...» По мнению автора, «Брдзола» должна связывать и объединять борющихся русских и грузинских рабочих, «должна быть представителем Российской социал-демократической партии и свое временно сообщать читателю о всех тех тактических взглядах, которых придерживается российская революционная социал-демократия».

В воскресенье, 11 ноября, состоялась первая конференция Тифлисской организации РСДРП. 25 делегатов, представлявшие почти все тифлисские социал-демократические кружки, рассмотрели несколько вопросов и избрали Тифлисский комитет РСДРП. В состав комитета вошел и Иосиф. Вскоре, в конце ноября 1901 года, он отправляется в Батум.

Батум был тогда третьим после Тифлиса и Баку промышленным центром Закавказья. Через Батум вывозили нефтяные продукты из России. Ко времени появления Сосо Джугашвили в городе при населении в 30 тысяч человек было около 10 тысяч ра-

бочих: грузины, армяне, русские, аджарцы, абхазцы, турки, греки и представители других народов своим тяжелым трудом создавали богатые прибыли для господ Нобилей, Ротшильдов, Манташевых, Хачатурянцев...

Жили рабочие в грязных предместьях: Барцхане, Городке. Особенно «колоритным» был поселок «Чаоба» — от слова «болото». На топкой земле были разбросаны кое-как построенные домики. В дождливое время, по колено в грязи, с трудом добирался хозяева до своих жалких лачуг.

Но приезде Иосиф нашел сплоченную группу рабочих: Сильвестр Тодрия, Константин Канделаки, братья Илларион и Дарсиан Дарахвелидзе, Герасим Каладзе и другие уже прошли немалую жизненную школу, были знакомы социал-демократическими идеями, стремились к решительной борьбе за свои права. И все же Иосиф остался ими недоволен.

На первом же собрании Иосиф сказал своим слушателям:

— Товарищи, я прислан к вам тифлисскими рабочими. Вы, наверное, знаете, что тифлиссские рабочие проснулись ото сна и встали на борьбу. Батумские же рабочие, можно сказать, еще не проснулись. Я призываю вас последовать примеру ваших тифлиссских братьев по классу...

Отношения Иосифа с И. Рамишвили и Н. Чхеидзе, будущими столпами грузинского меньшевизма, сразу же стали враждебными. Не смущаясь этим, Сосо вместе с наиболее активными рабочими подготавливает оформление батумской общегородской организации революционных социал-демократов. На этом пути его ждал успех. В конце 1901 года в городе действовало по крайней мере 11 кружков, в которых объединялись рабочие разных национальностей.

В Гурии с давних пор была традиция встречи Нового года — «каланда». Вечером 31 декабря 1901 года на глухой окраине Батума за праздничным столом собрались необычные гости. Под видом новогоднего праздника 25 — 30 батумских рабочих встретились на социал-демократическом собрании.

Все было как водится: и вино, и снесь, и тамада — Миха Табуния, только речи резко отличались от обычных для такого рода застолий. Иосиф говорил несколько раз: об организации подпольной работы, стачек и демонстраций, о методах борьбы... Ко-

гда в комнату стал проникать свет зари, Иосиф позволил себе лирическое отступление:

— Вот уже и рассвет... Скоро встанет солнце... Так же светло будет нам, товарищи, в будущем, когда мы добьемся победы. Солнце будет светить для нас!

Плоды работы Сосо и его товарищей обнаружили на предприятиях Батума уже в начале 1902 года, и в первую очередь — в успехах забастовок. 26 февраля на заводе Ротшильда было вывешено объявление о расчете с 12 марта 389 рабочих. На следующий день забастовали все, требуя никого не увольнять.

Иосифа Джугашвили в Батуме в этот день не было. За десять дней до того, 17 февраля 1902 года, охранка арестовала почти всех членов Тифлисского комитета, и он поехал в Тифлис, чтобы выяснить обстановку и приобрести типографский материал. За «учителем» срочно был послан гонец, и он немедленно возвратился.

Через центр города манифестация направилась к тюрьме, но здесь полиция при помощи войск задержала более трехсот рабочих. С утра у пересыльных казарм, где содержались все арестованные, собралась многотысячная толпа — рабочие, их друзья, жены, дети. Открыто были подняты красные знамена, раздавались революционные песни. Не лишне будет подчеркнуть, что социал-демократы организовывали подчеркнуто мирную демонстрацию. Рабочие сознательно пришли без оружия (хотя некоторое количество револьверов имелось тогда в распоряжении комитета) и не думали о нападении на солдат. Руководители демонстрации (и в том числе Иосиф, одетый в рабочую блузу) находились тут же, в толпе.

Тем не менее власти применили оружие. Рабочие не подчинились, и тогда был открыт огонь. Толпа обратилась в бегство; на месте остались 14 убитых и 54 раненых. Подобной расправы еще не случалось в Закавказье. С начала века это было второе в России кровопролитие подобного размаха (первое — событие на Обуховском заводе за год до того).

Иосиф Джугашвили во время стрельбы находился в толпе: жандармские документы утверждают, что его видел там пристав 4-го участка Батума. Из воспоминаний рабочих известно также,

что Иосиф вывел из толпы и доставил на квартиру раненого Геронтия Каландадзе.

Кровавое побоище произвело страшное впечатление на рабочих, но забастовка продолжалась. На следующий день, 10 марта, социал-демократы выпустили листовку, посвященную тем событиям. В день похорон, 12 марта, распространялась вторая. Вероятнее всего, что обе они принадлежали перу молодого Джугашвили.

Полиция наконец сумела нанести ощутимый урон батумским социал-демократам: 5 апреля 1902 года на квартире И. Дарахвелидзе в «Лиман-Мелье» были арестованы И. Джугашвили, К. Канделаки, Д. Дарахвелидзе и член нелегального гимназического кружка Вано Рамишвили. При обыске, однако, ничего особенного полиции найти не удалось (обстоятельство, свойственное всем последующим арестам И. Джугашвили-Сталина и свидетельствующее о его искусной конспирации), и товарищи Иосифа были вскоре выпущены. Самого же его засадили в тюрьму надолго.

Власти хорошо понимали, кто именно очутился у них в руках. В жандармском документе отмечалось, что Джугашвили «являлся главным руководителем беспорядков, произведенных батумскими рабочими... Руководя делом, Джугашвили держал себя в стороне, и потому не все рабочие знали о нем, с рабочими же постоянно соприкасался Канделаки, известный в рабочей среде за «помощника учителя».

Бесспорных улик против Иосифа Джугашвили было, однако, не так уж много. Поэтому он попытался создать себе алиби. В одном из жандармских документов сообщалось: «8-го сего апреля при свидании арестантов с посетителями одним из арестантов были выброшены на тюремный двор 2 записки, из коих в одной автор просит неизвестного адресата «передать в Гори, что Сосо Джугашвили арестован», а также «сейчас же сообщить об этом матери на тот конец, что если жандармы спросят ее: «когда твой сын выехал из Гори», то сказала бы: «все лето и зиму до 15 марта находился здесь (в Гори)...», а во второй записке просят какого-то Иллариона: «если приехал посланный в Тифлис человек, то скажи, чтобы он привез Георгия Елисабедова и вместе с ним пусть направил бы дело».

Поскольку записки попали к жандармам, они смогли арестовать их адресатов: учителя Сосо Иремадзе в Гори и Георгия Елисабедашвили в Тифлисе. Правда, ничего отягчающего вину И. Джугашвили от этих арестованных жандармы не добились и вынуждены были вскоре отпустить их. Безрезультатным был и обыск в Гори, допрос матери.

Следственная рутинная тянулась обычным путем: допросы, очные ставки, запросы в другие города и учреждения. Лишь 17 июля 1902 года жандармы составляют описание своего узника: «Рост 2 аршина, 4,5 вершка (165 — 166 см). Телосложение среднее. Возраст — 23. Особые приметы: 2 и 3 пальцы на левой ноге срослись. Наружность: обыкновенная. Волосы: темно-коричневые. Борода и усы: коричневые. Нос: прямой и длинный. Лоб: прямой, но низкий. Лицо: длинное, смуглое и рябое».

В тюрьме он, чтобы не раскиснуть, с первых же дней установил для себя строгий распорядок: с раннего утра — гимнастика, затем изучение иностранного языка и, главное, чтение, чтение, чтение... Режим в тюрьме был не слишком строгим: она была заполнена битком, и администрация не всегда могла пресечь попытки арестантов к общению с волей. Иосиф сумел довольно быстро снестись с оставшимися на свободе товарищами, получал от них сведения о происходившем и даже писал листовки.

Следователи не торопились; более года просидел Иосиф Джугашвили в батумском тюремном замке. Поскольку администрации было известно, что он успешно поддерживает контакт с товарищами, оставшимися на воле, 19 апреля 1903 года его и группу других арестованных переводят в Кутаисскую тюрьму.

Когда заключенные с убогими своими пожитками собрались на тюремном дворе, произошла заминка: Иосиф, поддержанный товарищами, потребовал, чтобы для вещей администрация наняла подводу, а для заключенной женщины — Натальи Киртадзе-Сихарулидзе — извозчика. Требования арестантов пришлось удовлетворить. В Кутаиси, по выходе из вагона, Джугашвили закричал:

— Пропустите Наташу вперед, пусть все видят, что и женщины борются!

Иосифа поместили в так называемый «первый секрет» Большой тюрьмы. Кутаисская тюрьма славилась своим суровым режимом даже среди других узилищ России. Но и эти строгости не